

Т. Корниенко, канд. ист. наук, доц.
(г. Воронеж, Россия)

"ТОТЕМНАЯ КОЛОННА" ИЗ СЕКТОРА L9 – 46 II-ГО СЛОЯ ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ В КОНТЕКСТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ СИМВОЛИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

В X-VIII тыс. до н.э. в Верхнем Двуречье существовала широко распространенная система символов, где вертикально установленным плитам, специально оформленным столбам и пилястрам отводилось центральное место. Статья рассматривает "Тотемную колонну" из сектора L9 – 46 II-го слоя Гёбекли Тепе в контексте свидетельств символического содержания Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита

In the X-VIII millennium BC in Upper Mesopotamia there was a widespread system of symbols where the standing stones, specially decorated pillars and pilasters were allotted a central place. The article examines the "Totem Pole" from Area L9 – 46 of Layer II of Göbekli Tepe in the Context of Symbolic Evidence of Northern Mesopotamia of Aceramic Neolithic Period

Особая концентрация и наибольшее количество свидетельств символического содержания эпохи докерамического неолита в Северной Месопотамии отмечается при исследовании материалов Гёбекли Тепе. Т-образные стелы К. Шмидт, автор раскопок, однозначно называет главным определяющим символом данного комплекса [11, с. 116]. На сегодняшний день уже обнаружено <50 стел, общее предполагаемое количество не менее 200. Среди их изображений самые популярные – мотивы змеи и других рептилий, а также букрании, фигуры лис, кабанов, водоплавающих птиц и насекомых; значительно реже встречаются антропоморфные мотивы.

Композиционное размещение рельефов, горельефов и скульптурных фигур на стенах Гёбекли Тепе формально можно разделить на несколько групп:

1) Изображения рук, выполненные на передней и боковых гранях стелы, придающие ей черты антропоморфного существа (стелы типа Невали Чори – столбы 18 и 31 слоя III, а также вмурованный в стену столб из "Здания с львиными стелами" слоя II).

2) Одиночные фигуры, которые могут находиться как на боковых гранях стержня или завершая столба, так и на его "груди", "лбу", "животе" или "затылке" (букрания на "груди" столба 2, 31, 38, змея на "животе" столба 5, змея на "лбу" столба 19, кабан на "лбу" столба 26, лис на правой стороне столба 9, лис на левой стороне столба 10 и др.).

3) Фигуры животных, расположенные друг над другом в ряд. В некоторых случаях они взаимодействуют между собой (как, например, надвигающаяся сверху вниз на быка змея на передней грани стержня столба 20), а иногда изображены статично, в так называемом геральдическом стиле (три фигуры животных на левой грани столба 21, три фигуры животных на правой стороне столба 2 и др.).

4) В отдельную группу стоит выделить ряды абстрактных знаков и соответствующих им по размеру миниатюрных фигурок животных (передняя грань стержней столбов 18 и 33). В случае со столбом 33 такой ряд, идущий по всей передней грани стержня стелы, оформлен особым образом с двух сторон. В целом он оставляет впечатление специально выстроенной длинной последовательности символов, судя по контексту, несомненно, сакрального содержания. В связи с чем К. Шмидт считает тут допустимым говорить о "неолитических иероглифах", именно как о "священных знаках" без стоящей за ними фонетизации, что являлось бы уже характеристикой настоящей письменности [11, с. 178-187, 221-225].

5) Следует отметить сценические рельефные композиции, участники которых изображены вместе и взаимодействуют между собой. Пропорции фигур в таких сценах редко соблюдаются (левая сторона стол-

ба 1, боковые стороны столба 33, правая сторона стержня столба 38, правая сторона столба 12, правая сторона столба 43).

6) Наконец, в самостоятельную группу выделяются состоящие из нескольких фигур скульптурно оформленные столбы, т.н. "тотемные колоны". Фигуры там странным образом соединены, как будто прорастают одна из другой, представляемые ими существа часто имеют смешанную зооантропоморфную природу, а скульптурные и рельефные детали читаются неоднозначно. В Невали Чори фрагменты подобных столбов были неоднократно встречены. В Гёбекли Тепе обнаружен один такой объект, полностью сохранившийся (сектор L9 – 46, слой II) [7].

Выделенные нами композиционные группы рельефов и горельефов стел Гёбекли Тепе не являются строго разграниченными между собой. Наоборот, в большинстве случаев они совмещаются. Наиболее казалось бы простые, с точки зрения построения композиции, примеры – одиночные фигуры лис на столбах 9 и 10, которые формально относятся к группе 2, в общем архитектурном контексте Сооружения В представляют собой пару одинаковых, расположенных друг напротив друга, синхронно прыгающих на посетителя из центра помещения животных. То же самое можно сказать и о рельефах кошачьих хищников на парных столбах в "Здании с львиными стелами". Кроме того, все показанные на боковых гранях идущих по кругу Т-образных столбов крупные животные, как правило, повернуты/смотрят в центр помещения (Сооружения А-Д). Т.е. по заложенному в такие композиции значению их следует относить скорее к группе 5. Сценические композиции (пункт 5), покрывая боковые стороны, иногда соседствуют с расположенными друг над другом в ряд фигурами животных (пункт 3), выполненными ниже на боковой поверхности стержня (столб 12), или же гармонично переходят на переднюю грань (столб 33), окаймляя с двух сторон последовательность "иероглифов" (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори – столбы 18 и 31 (пункт 1) совмещен с единичными фигурами животных (пункт 2) и рядом абстрактных знаков (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори (пункт 1) неоднократно повторен в "тотемной колонне" ГТ (пункт 6) и т.д.

Таким образом, стелы Гёбекли Тепе представляют собой сложные многоплановые и многоуровневые, а значит и многозначные памятники для понимания. Их, как правило, Т-образная форма дает несколько полей для передачи и восприятия информации. Передняя грань – "лоб", "грудь", "живот", нижний уровень. Боковые грани (отдельно левая и правая) – боковые стороны завершая, три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) боковых сторон стержня. Задняя грань – "затылок", три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) тыльной стороны стержня. Кроме того, в от-

дельное поле нужно выделить верхнюю плоскость на вершине Т-образной стелы. Отмеченные поля размещения рельефов на столбах Гёбекли Тепе хорошо различаются. И на минимальном локальном уровне понимание рельефа укладывается в эти пространства. Однако также оно должно распространяться на всю грань той или иной стороны столба, а потом уже выходить на уровень восприятия стелы в целом. При этом следует учитывать, что сама стела является одной из нескольких в конкретном сооружении культового назначения, занимая там совершенно определенное место, от чего изначально зависят ее размеры и оформление. В случае с Гёбекли Тепе мы имеем дело с хорошо организованным сложнейшим архитектурным комплексом, состоящим из многих подобных сооружений, где каждому архитектурному элементу отведено свое место. Строительству данного комплекса осуществлялось несколькими поколениями проживающих в округе племен.

Симптоматично, что многие из названных мотивов изображений стел Гёбекли Тепе и других раннеолитических площадок Верхнего Двуречья встречаются в виде вырезанных рисунков, рельефов или скульптурного оформления на иных категориях объектов самого Гёбекли Тепе и одновременных ему памятников Северной Месопотамии: Кёртык Тепе, Телль Карамеля, Невали Чори, Халлан Чеми, Чайёню Тепеси, Телль 'Абра 3, Жерф эль Ахмара, Мурейбита, Немрик 9, Гермез Дерё. К таким категориям относятся каменные сосуды и пестики, поперечно-желобчатые изделия ("утюжки"), каменные плиты и плиты, собственно скульптуры. В целом эта коллекция археологических материалов подтверждает существование на данной территории единой системы информационного пространства, участники которой хорошо понимали значение отмеченных последовательностей знаков, единичных и композиционных изображений фигур, преимущественно зооморфного и зооантропоморфного вида. За такими картинками стоит мифологическое восприятие и объяснение мироустройства сообществами Северной Месопотамии раннеолитического периода, в жизнедеятельности которых охота и умение взаимодействовать с дикой природой продолжали играть важнейшую роль.

Помимо главного культового центра племен, проживавших в периоды PPNA, PPNB в рассматриваемом регионе, присутствие Т-образных стел, как основных маркеров сакрального пространства, зафиксировано стационарными раскопками в Невали Чори и, кроме того, разведочными работами в Хамзан Тепе, Зефер Тепе и Карахан Тепе. То есть на памятниках расположенных наиболее близко к Гёбекли. Все они находятся в границах современного вилайета Шанлыурфа с центром в городе с одноименным названием на территории Юго-Восточной Турции. При этом надо иметь в виду, что большая часть данного региона, пока не затронутая сооружением дамб и связанными с ними интенсивными археологическими исследованиями речных долин, до сих пор остается плохо изученной.

К сожалению, лишь краткие сведения опубликованы о присутствии Т-образных столбов в культурном слое Хамзан Тепе. Памятник находится в 10 км южнее г. Шанлыурфы [1, р. 3-4, fig. 4]. В 70 км восточнее г. Шанлыурфы расположен Зефер Тепе. На поверхности этого небольшого холма хорошо сохранившимися, стоящими *in situ* на расстоянии 1,5–2 м друг от друга зафиксированы 16 Т-образных столбов. Их вершины на 30–40 см выступают над поверхностью земли. Еще одна пара Т-образных стел (высотой около 2 м) была случайно обнаружена и выкопана крестьянами в юго-восточном участке телля. На одном из этих столбов

просматривается мотив букрании [3, р.23-24, fig. 2-3]. Карахан Тепе находится в 63 км на юго-восток от г. Шанлыурфы. Памятник открыт в 1997 году. На северном и восточном склонах холма выявлено приблизительно 266 (!) столбов, Т-образные вершины которых на 50–60 см возвышаются над поверхностью земли. Среди изображений на стелах Карахан Тепе фиксируются зооморфные мотивы, в частности изображения змеи, зайца, газели и других животных. Столбы располагаются на расстоянии 1,5–2 м друг от друга и связаны с остатками архитектурных конструкций. Стелы Карахан Тепе, по определению Б. Челик, сопоставимы со стелами Хамзан Тепе, Невали Чори и верхних уровней Гёбекли Тепе [2, р. 6-7, fig. 1-3]. К. Шмидт отмечает, что одиноко лежащие на почти незаселенном "лунном" ландшафте в районе гор Тектека Зефер Тепе и Карахан были обнаружены случайно. "Если Зефер Тепе скрыт от наблюдателя в широкой долине и уступает по многим показателям Гёбекли Тепе – его можно распознать как раннеолитический объект с Т-образными столбами высотой 1,5–2 м лишь стоя на самом холмике, то Карахан уже издали представляет собой почти сюрреалистический вид, напоминающий картину Сальвадора Дали. Причудливо выступает множество Т-образных наверший из нетронутого в течение тысячелетий пологого склона холма. Тут, несомненно, речь идет об интереснейшем крупном объекте, отличное состояние которого и имеющиеся признаки монументальной архитектуры в любом случае оправдают намечающиеся исследования" [11, с. 201-202]. Сколько еще неоткрытых памятников подобного рода может находиться в предгорных и горных районах Южного Тавра?

Важно заметить, что среди материалов различных регионов Ближнего Востока традиция установления каменных блоков, стел, столбов, а также определенного вида пилястр, как и само возведение типичных, специальным образом оформленных общественных сооружений культового назначения, наиболее характерна и ярко представлена именно в Северной Месопотамии периода PPNA и PPNB. Отдельные случаи фиксации вертикально установленных каменных плит в общественных постройках культового назначения или на открытых пространствах отмечаются для территории Центрального и Южного Леванта в PPNB и переходный PPNB/PPNC периоды [см., напр.: 6; 9; 10; 4]. Появившиеся позднее, такие объекты Восточного Средиземноморья в целом выглядят гораздо скромнее, чем северомесопотамские, где традиция установления моделированных стел в постройках общественного назначения известна с этапа PPNA. Истоки ее прослеживаются в обычаях возведения парных моделированных стел (соединенных между собой глиняной перемычкой) в центральной части круглоплановых "жилищ-святилищ" Гермез Дерё и Немрик IX раннего PPNA времени на территории Северного Ирака [13; 14; 8, р.93].

Продолжение раскопок на упомянутых и еще пока не открытых памятниках докерамического неолита, несомненно, увеличит количество обнаруженных стел. Будет получена более точная информация об их размерах, размещении, оформлении и сопутствующих материалах. Вместе с тем, уже сейчас господствующей является трактовка данной группы объектов раннеолитического времени как антропоморфных изображений. Для Невали Чори, Гёбекли Тепе, Зефер Тепе, Карахан Тепе и Хамзан Тепе характерны Т-образные навершия стел, что само по себе символизирует главу/голову. Объяснение таких столбов как человекоподобных фигур было предложено еще при исследовании Невали Чори [5, р. 48-51, fig. 9-12, 16]. И до последнего

времени в качестве убедительных доказательств антропоморфности стел приводились нанесенные на них изображения рук и кистей с пальцами. Контуры рассматриваемых в профиль наверший Т-образных столбов повторяют в стилизованном виде профиль человеческой головы, в соответствии с пропорциями которой "лицевая" часть наверший у экземпляров Невали Чори заметно длиннее по сравнению с "затылком". В Гёбекли Тепе изображения рук обнаружены только у некоторых стел, а "лицо" и "затылок" Т-образных столбов Гёбекли Тепе приблизительно одинаковых пропорций.

К. Шмидт высказывал убеждение, что все столбы исследуемого им памятника должны пониматься как изображения неких антропоморфных существ – божеств или духов предков [11, s. 116–122]. Недавнее открытие (2009–2010 гг.) "тотемной колонны" в Гёбекли Тепе ослабило подобную аргументацию. На этой стеле обнаружено изображение существа с согнутыми в локтях руками/лапами и сложенными на животе пятипальными кистями, как и у стел типа Невали Чори, однако голова его оказалась звериной. Тут уместно вспомнить центральные стелы общественной постройки культового назначения ЕА 100 в Жерф эль Ахмара. Они имеют хорошо моделированные головы и шеи, при этом изображения рук отсутствуют. Исходя из оформления верхних частей стел, авторы раскопок трактуют эти изображения как зооморфные, представляющие грифов (по определению Л. Гуришона) или хищников (по определению Д. Стордэра) [12, p.40, fig. 8–11]. Учитывая отмеченные находки Жерф эль Ахмара, а также открытие "тотемных столбов" в Невали Чори и Гёбекли Тепе следует допускать возможность зооморфной и/или зооантропоморфной природы персонажей, запечатленных в некоторых стелах Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита.

Как широко распространенный символ того времени на территории Верхнего Двуречья, вертикально установленные в сакральных зонах плиты, столбы и пилястры своим специальным оформлением во многих случаях несли многоплановую информацию мифологического содержания. Олицетворенные в стелах Верхнего Двуречья сверхъестественные силы, вероятно, были защитниками живущих коллективов, посредниками в их отношениях с окружающим миром. Судя по рассмотренным материалам, среди них встречаются антропо-, зоо- и зооантропоморфные представители.

Оформление "тотемного столба" из сектора L9 – 46, исследовавшегося в 2009 и 2010 гг., дает дополнительные данные для общей интерпретации материалов сакрального комплекса Гёбекли Тепе. В изображениях этого объекта угадываются три, возможно, четыре фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней, по сохранившимся деталям – ушам и глазам – трактуется авторами раскопок как голова хищника (медведя/льва/леопарда?) [7, p. 74]. Ее передняя часть была уничтожена в древности. Выделена шея. Дальше по бокам идет знакомый мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипальными кистями, сложенными на животе, из которого выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом. Одновременно этот выступ может обозначать фаллос/пупок/живот верхнего существа (такой прием уже известен по стеле из провинции Адияман, Юго-Восточная Турция, сопоставимой с рассматриваемым объектом). Под второй фигурой, имеющей согнутые в локтях руки/лапы, обозначена голова и руки/лапы третьей, показанные теперь спереди, сложенные на животе/фаллосе/голове (?) следующего изображения. Под этим выступом находится скол, и далее изображения отсутствуют. Ниже рук/лап двух верхних существ,

по бокам этой колонны с каждой стороны рельефно выступают изображения крупных змей. Они могут обозначать также ноги/задние лапы большого существа при рассмотрении его в профиль. Уточним, что каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей, выступая, соответственно, из ее живота (или фаллоса). Этот удивительный прием, в скульптуре достигающий "эффекта матрешки", вероятно, передает, как и в случае с русской игрушкой, идею родства и преемственности.

Заключение К. Шмидта о посвящении сооружений Гёбекли Тепе культу мертвых [11, s. 138–140], на наш взгляд, не вполне убедительно, о чем приходилось писать раньше, когда данные о "тотемном столбе" опубликованы еще не были [15, с. 55; 16, с.214]. Ни одного захоронения на памятнике до сих пор не выявлено. Зато неоднократно встречены скульптурные и рельефные изображения фаллосов и итифаллических протом. Известен весьма выразительный процарапанный на плите, лежавшей рядом с центральными столбами в Здании с львиными стелами, рисунок сидящей на корточках обнаженной женщины с гипертрофированными половыми органами. Такие данные, как и некоторые другие материалы памятника, не соотносятся с базовым предположением К. Шмидта о том, что Гёбекли Тепе посвящен исключительно культу мертвых. Судя по имеющимся свидетельствам, осуществлявшиеся здесь культовые практики были гораздо шире поклонения мёртвым и, помимо прочего, включали в себя продуцирующие обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий. Они должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений, что, естественно, в значительной степени зависело от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но в целом было направлено на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих этот ритуальный центр племен.

1. Çelik B. A New Early Neolithic Settlement in Southeastern Turkey: Hamzan Tepe // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2004. – № 2. 2. Çelik B. A New Early Neolithic Settlement: Karahan Tepe // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2000. – № 2–3. 3. Çelik B. A New Pre-Pottery Site in Southeastern Turkey: Safer Tepe // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2006. – № 1. 4. Fujii S. Two Petroglyphs from Wadi Abu Tulayha, a PPNB Agro-pastoral Outpost in the Jafr Basin // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2008. – № 1. 5. Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Çori. In: Frangipane, M. et al. (Hrsg.) // *Between the rivers and over the mountains*. – Roma, 1993. 6. Kenyon K. Digging up Jericho. – London, 1957. 7. Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K. The Göbekli Tepe "Totem Pole". A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2010. – № 1. 8. Korienko T.V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *Journal of Near Eastern Studies*. – 2009. – Vol. 68. – № 2. 9. Rollefson G.O. 'Ain Ghazal (Jordan): ritual and ceremony III // *Paléorient*. – 1998. – Vol. 24. – № 1. 10. Rollefson G.O. Ritual and Social Structure at Neolithic 'Ain Ghazal // *Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation* / Ian Kuijt (ed.). – New York, 2000. 11. Schmidt K. Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – München, 2006. 12. Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G. et J.-C. Roux. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. – 2001. – Vol. 26. – № 1. 13. Watkins T. The Beginning of the Neolithic: Searching for Meaning in Material Culture Change // *Paléorient*. – 1992. – Vol. 18. – № 1. 14. Watkins T. The Origins of House and Home? // *World Archaeology*. – 1990. – Vol. 21. – № 3. 15. Корниенко Т.В. Гёбекли Тепе – неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // *Древность: историческое знание и специфика источника*. / Отв. ред. А.С. Балахванцев. – Вып. IV. – М., 2009. 16. Корниенко Т.В. Рецензия на кн.: K. SCHMIDT. Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 S. // *Вестник древней истории*. – 2010. – №2.